

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ НАДПИСИ» ИЗ ГНЁЗДОВА

Антонов заявил, что найденный археологами под Киевом горшок VIII века является первым в истории мардонгом, а находящаяся в нем малая берцовая кость принадлежала девочке по имени Горухша – это слово написано на горшке.

В. Пелевин. «Мардонги»

Кириллическое граффити, обнаруженное в 1949 г. в гнездовском кургане 13, стало одной из сенсационных находок в истории археологического изучения Древней Руси и быстро приобрело широкую известность как в научных кругах, так и среди всех, кто интересуется отечественной историей. Гнездовская надпись сразу же была названа древнейшим памятником русской письменности (Авдусин, Тихомиров, 1950. С. 77), и в дальнейшем эта трактовка не подвергалась сомнению. К сожалению, характеристика и интерпретация погребального комплекса кургана 13, несмотря на ряд публикаций, до сих пор остаются неполными и не совсем точными, что не может не сказываться отрицательно на изучении надписи и определении ее места в древнерусской культуре*.

Сосуд, на который было нанесено граффити, принадлежит к стандартной византийской амфорной таре и относится к ранней (IX–XI вв.) разновидности амфор «трапезундской» группы по классификации И.В.Волкова или к типу XVI по классификации исследователей из Уральского университета. Центром производства таких амфор, по мнению И.В.Волкова, была византийская область Понт (Волков, 1992. С. 144; 1996. С. 91–92). Они появились в Константинополе не позднее третьей четверти IX в., а в X в. получили широкое распространение в Причерноморье, в том числе на юге Восточной Европы (Антонова, Даниленко, Ивашута и др., 1971. С. 90; Яковсон, 1979. С. 71, 73), проникая в небольшом количестве и в более северные регионы.

Необходимо еще раз обсудить вопрос о датировке кургана 13. В первых публикациях материалов раскопок 1949 г. Д.А.Авдусин датировал

его первой четвертью X в. на основании состава найденных в погребении арабских монет. Одна из них не определена, а остальные четыре принадлежат аббасидскому чекану (середина VIII – начало IX в., 848/849 г., 907/908 г., монета-подвеска с неопределимым годом чеканки). Аргументом в пользу предложенной даты явился большой хронологический разрыв между старшей и младшей монетами (Авдусин, 1951. С. 79; 1952. С. 321). В дальнейшем Т.А.Пушкина сузила эту датировку до 910-х годов, обратив внимание на соответствие состава монет из погребения второму периоду обращения дирхема в Восточной Европе (Пушкина, 1991. С. 232). Несмотря на то, что в некоторых работах Д.А.Авдусин относил курган 13 к середине X в. (Авдусин, 1970. С. 113; 1974. С. 83), в литературе обычно приводится первоначальная датировка гнездовской надписи.

Нельзя не отметить спорную аргументацию существующих датировок. Так, вызывает сомнение правомерность экстраполяции выводов о закономерностях и периодизации денежного обращения в Восточной Европе, полученных на основе анализа десятков монетных кладов, на статистически ничтожную серию из трех определенных монет (монета-подвеска не в счет, она должна рассматриваться как украшение). Главный же недостаток применявшихся подходов, особенно очевидный в работах 1970–1990-х годов, заключается в фактическом отказе от соблюдения процедуры датировки археологических комплексов, которая предполагает выделение датирующих типов, их соотнесение с приемлемыми хронологическими шкалами и т.д. на основе анализа *всей совокупности* входящих в комплекс артефактов.

Исходя из состава погребального инвентаря кургана 13, представляется целесообразным синхронизировать его со стратиграфическими горизонтами Земляного городища Старой Ладogi, имеющими объективно полученные дендродаты.

* Источниками в настоящей работе послужили материалы полевого отчета Д.А.Авдусина за 1949 г. (Авдусин, 1949. Л. 24–30, 114–120) и коллекция предметов из кургана 13, хранящаяся в фондах Смоленского государственного объединенного музея-заповедника (СОМ 6028). Пользуюсь случаем поблагодарить Т.А.Пушкину и Н.В.Енисову за предоставленные материалы и ценные консультации.

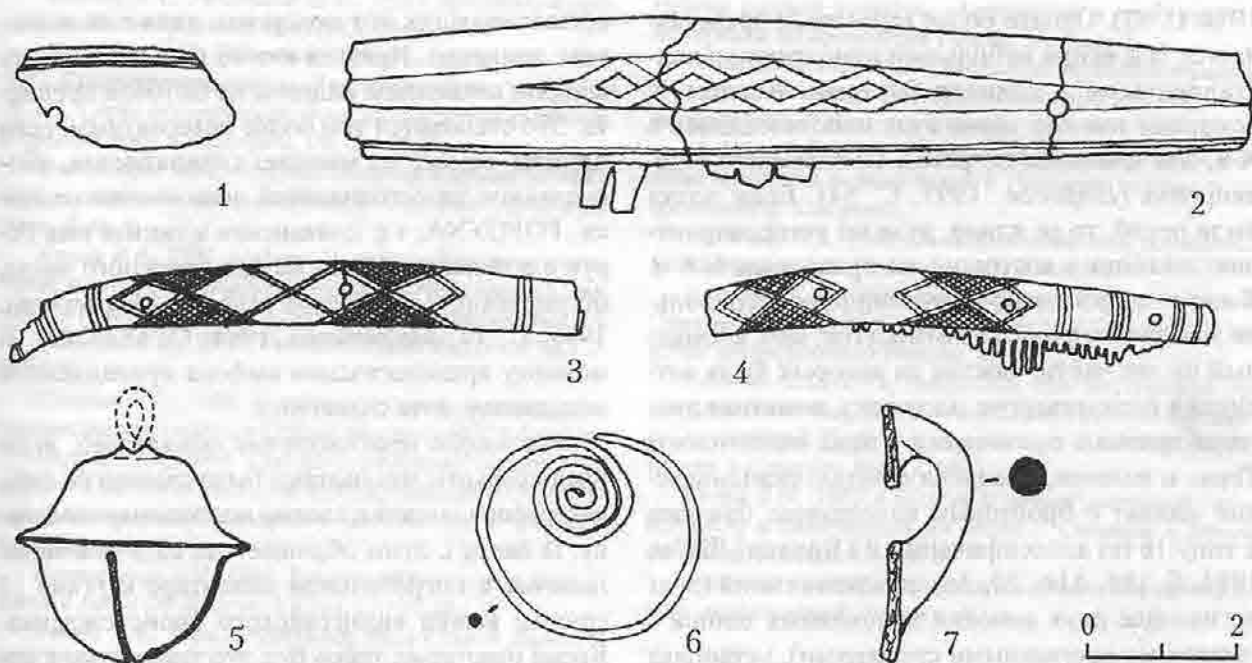

Рис. 1. Некоторые предметы (1–7) из кургана 13

В погребении найдены обломки не менее четырех односторонних составных гребней, два из которых относятся к группе I, вариантам *в* и *г* (рис. 1, 1, 2), а остальные – к группе II по классификации О.И. Давидан (рис. 1, 3, 4). В Ладоге большинство из них (кроме гребней группы I, варианта *в*) появляется в горизонте Д, данное сочетание характерно для горизонта Дн (ок. 925/930 – 960-х годов) (Давидан, 1962. С. 101; 1968. С. 56–57). Показательны также количество и типологический состав сердоликовых и хрустальных бус из кургана 13 (сердоликовые: 14-гранные – ок. 40 экз., призматические – ок. 20 экз., монетовидные – 8 экз., бипирамидальная асимметричная – 1 экз.; хрустальные: 14-гранные – более 30 экз., призматические – ок. 20 экз., шаровидная – 1 экз.), сопоставимые с максимумом распространения каменных бус в Ладоге в горизонте Д, особенно, видимо, в Дн (Рябинин, 1995. Табл. 1, 2). Некоторые из этих типов, например сердоликовые монетовидные, не встречаются в Ладоге ниже горизонта Д. Большая часть найденных в погребении стеклянных бус (всего не менее 60 экз.) сильно пострадала от огня. Однако среди них можно отметить «лимоновидные»: полосатую зеленую с желтыми и темными полосками и одноцветные желтые и светло-зеленые, а также глазчатые с черным и красным фоном, характерные главным образом для горизонта Д (Львова, 1968. С. 71, 77, 85, 88). Из сказанного следует, что погребение было соверше-

но во второй четверти – середине X в., скорее всего не ранее 930-х годов.

Предложенную датировку подтверждают или не противоречат ей и некоторые другие предметы из кургана 13. В их числе меч типа Е с известным только на территории Руси декором перекрестия и рукояти (вариант Е-2 по классификации С.Ю. Каинова), относящимся к «зрелому X в.» (Кирпичников, 1966. С. 30; Каинов, 2001), обломки овальной фибулы (фибул?) типа 51 или 52 по классификации Я. Петерсена и т.д. Наличие в погребении двух железных бубенчиков (рис. 1, 5), по форме и технологии соответствующих бронзовым салтовским типа 3 по классификации С.А. Плетневой (Плетнева, 1989. С. 107), и вероятное отсутствие круговой керамики местного производства вроде бы не позволяют отодвинуть верхнюю дату комплекса выше середины X в. Возвращаясь к гнёздовской надписи, отметим, что она, таким образом, хронологически не отделяется от других греко-кириллических граффити X в., найденных в Восточной Европе (обзор находок см.: Мединцева, 1998).

Охарактеризуем погребальный обряд кургана 13 и этнокультурную принадлежность погребенного. В кургане найдено около 70 железных заклепок и несколько гвоздей, что позволяет предполагать трупосожжение в ладье (Müller-Wille, 1970. S. 44). По мнению Д.А. Авдусина, в данном случае была использована часть клинкерного судна, т.е. «символ» ладьи (Авдусин,

1974. С. 83). Однако более вероятным представляется сожжение небольшой однодревки с надставленными в клинкер бортами. Видимо, в основном именно такие суда использовались в X в. для плавания по рекам Смоленского Поднепровья (Нефёдов, 1997. С. 34). Если лодка была целой, то ее длина, судя по распространению заклепок в кострище, не превышала 5–6 м. К числу других этноопределяющих и социально значимых признаков относятся: меч, сломанный на две части, каждая из которых была воткнута в подкурганную площадку, железная дровяная гривна с привесками в виде «молоточков Тора» и колечек, овальная фибула, скандинавский пинцет с бронзовым навершием, близким к типу 16 по классификации Ю.Валлер (Waller, 1984. S. 186. Abb. 20, 16), сожжение коня (судя по находке двух конских ледоходных шипов с согнутыми крепежными стержнями), установка в центре кургана мемориального столба. Попутно следует отметить, что содержащиеся в ряде работ данные о наличии в этом комплексе торгового инвентаря основаны на ошибочных идентификациях.

Погребенного мужчину сопровождало в загробный мир не менее двух женщин. Хотя урн найдено всего две (+ дополнительный сосуд без кальцинированных костей), сомнительно, чтобы скандинавская овальная фибула и восточнобалтское или славянское спиралеконечное височное кольцо (рис. 1, б), а также необыкновенно большое количество бус (ок. 180 экз.) были частью убора одной женщины. То, что погребенных было более двух, косвенно подтверждают серии однородных предметов: как минимум 4 гребня и 4 оселка, а также 3 глиняных сосуда (в том числе амфора с граффити), разбитых и брошенных на кострище. Существенно, что курган 13 по совокупности элементов погребального обряда представляет собой одну из самых близких археологических аналогий рассказу Ибн-Фадлана о похоронах знатного «руса».

Приведенных данных достаточно, чтобы охарактеризовать погребенного мужчину как скандинава, обладавшего высоким социальным статусом. Скандинавская принадлежность людей,

организовавших его похороны, также не вызывает сомнения. Вряд ли кто-то из них мог быть автором славянской надписи на бытовом предмете. Это становится тем более невероятным, если принять самое, по мнению специалистов, обоснованное на сегодняшний день чтение надписи: ГОРОУНА, т.е. славянское мужское имя Горун в родительном падеже единственного числа, обозначающее владельца амфоры (Медынцева, 1997. С. 14; Медынцева, 1998. С. 187–188). К моменту археологизации амфора принадлежала скандинаву, а не славянину.

Указанное противоречие объяснимо, если предположить, что надпись была сделана до того, как амфора попала к своему последнему владельцу. В связи с этим обращает на себя внимание наличие в погребальном инвентаре кургана 13 группы вещей византийского происхождения. Кроме некоторых типов бус, это такие редкие для древнерусских памятников X в. предметы, как сама амфора, миниатюрная поливная ойнохоя и стеклянный сосуд, от которого сохранилась оплавленная ручка (рис. 1, 7). Становится очевидным, что погребенный принадлежал к числу «русов», совершавших военные и торговые экспедиции в Византию. Видимо, амфора с уже процарапанной надписью была куплена или захвачена в Причерноморье во время одного из таких походов. Местом происхождения гнёздовской надписи может быть Дунайская Болгария, вдоль черноморского побережья которой проходил южный участок пути «из Варяг в Греки». Считается, что именно Первое Болгарское царство являлось родиной кириллицы (Флоря, 1981. С. 59). Амфоры «трапезундской» группы и кириллические граффити первой половины X в. хорошо известны в этом регионе, причем последние — практически только там.

Таким образом, господствующее в литературе утверждение о древнерусском происхождении надписи из Гнёздова, аргументированное исключительно фактом ее обнаружения на территории Руси, не имеет надежных оснований. По нашему мнению, эту находку не следует безоговорочно привлекать в качестве источника по проблеме возникновения письменности в Древней Руси.

Литература

- Авдусин Д.А., 1949. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1949 г. — Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 341.
Авдусин Д.А., 1951. Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. Вып. 38.
Авдусин Д.А., 1952. Отчет о раскопках гнёздовских кур-

ганов в 1949 г. // МИСО. Смоленск. Вып. 1.

Авдусин Д.А., 1970. Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи. М.

Авдусин Д.А., 1974. Скандинавские погребения в Гнёздове // ВМУ. Серия 8: История. № 1.

- Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н., 1950. Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР. № 4.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П. и др., 1971. Средневековые амфоры Херсонсса // Учен. зап. УрГУ. № 112. Серия историческая. Вып. 22: Античная древность и средние века. Свердловск. Сб. 7.
- Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов. Вып. 1.
- Волков И.В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10.
- Давидан О.И., 1962. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4.
- Давидан О.И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 10.
- Каинов С.Ю., 2001. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусятинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) — статья в настоящем сборнике.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. // САИ. Е1-36. М.; Л.
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 10.
- Медынцева А.А., 1997. Письменность и христианство в процессе становления древнерусской государственности // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика). Материалы по археологии России. М. Вып. 3.
- Медынцева А.А., 1998. Надписи на амфорной керамике X—начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Руси. М.
- Нефёдов В.С., 1997. Гнёздовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнёздово: история и современность. Смоленск.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Пушкина Т.А., 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М.
- Рябинин Е.А., 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на север Европы (Новые материалы древнейшей Ладogi и их скандинавские аналоги) // Ладoga и Северная Русь. СПб.
- Флоря Б.Н., 1981. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М.
- Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Müller-Wille M., 1970. Bestattung im Boot. Neumünster.
- Waller J., 1984. Nadeln/Pfrieme und Pinzetten // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.

